

А. С. Шишков

**Опыт словопроизводного словаря,
содержащий в себе дерево, стоящее на корне
МР**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. С. Шишков**
Опыт словопроизводного словаря, содержащий в себе дерево, стоящее на корне МР / А. С. Шишков – М.: Книга по Требо-
ванию, 2015. – 162 с.

ISBN 978-5-458-53965-4

ISBN 978-5-458-53965-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

подъ сими словами разумѣмыя, не разсуждая о происхожденіи ихъ отъ словъ *конь*, *беру*, *кора*; но безъ сихъ разсужденій языкъ не покажетъ намъ составлявшаго оный ума человѣческаго, и будетъ, какъ бы нѣкое случайное собраніе словъ, безъ всякой цѣли и связи составленное, и слѣдовательно не удобное къ содѣланію изъ него постоянныхъ правилъ и наукъ; ибо несвязное не связывается. Напротивъ того не токмо въ одномъ и томъ же языкѣ, но даже и въ разныхъ, при всей разности словъ ихъ, видно, что люди умствовали одинаково. Напримѣръ Латинское *ferocitas* по нашему *звѣрство*. Слова сіи различны, но происходятъ отъ одинакой мысли: наше отъ *звѣрь*, и ихъ тоже отъ *fera*, звѣрь. Французъ говоритъ *vouloir* (хотѣть), *enterrement* (погребеніе); въ словахъ нашихъ нѣтъ корня, какіе въ ихъ, но мысль въ нихъ также одинакая: ихъ *vouloir* происходятъ отъ *volonté* (воля), а наше *хотѣть* отъ *охота*. Мы хотя отъ нашего *воля* не говоримъ по ихъ *вольтъ*, однако жъ говоримъ *извольтъ*, тоже что *хотѣть*. Ихъ *enterrement* происходитъ отъ слова *terre* (земля), а наше *погребеніе* отъ *гребу*; но если бы мы и по ихъ выраженію сказали *земленіе*, то не значило ли бы оно тоже, что *погребеніе*, то есть зарытіе въ землю? Я бы могъ показать тысячи подобныхъ словъ, какъ ужѣ многія изъ нихъ и показаны мною въ разныхъ мѣстахъ сочиненій моихъ. Всякая такимъ образомъ въ языки, мы приобрѣли бы въ нихъ несравненно превосходнѣйшее познаніе противъ того, какое безъ сихъ изслѣдованій и разсужденій имѣть можемъ. Словопроизводный Словарь показалъ бы намъ составъ и богатство нашего языка, а разборъ во всѣхъ другихъ языкахъ тѣхъ словъ, которыя отъ общаго съ нашими корня происходятъ, привелъ бы насъ въ состояніе разумѣть ихъ основательнѣе, и даже лучше самихъ говорящихъ ими народовъ, потому что они безъ Славянскаго языка во многихъ семействахъ словъ своихъ не могутъ находить породившаго ихъ праотца.

2-е. Изслѣдованіе языковъ возведетъ насъ къ первобытному языку и откроетъ намъ, что какъ ни велика разность ихъ, но она не отъ того происходитъ, чтобъ каждый народъ давалъ всякой вещи свое особое названіе; но что большою частію одно и тоже слово, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, постепенно измѣнялось, такъ что напоследокъ сдѣлалось само на себя не похожимъ, пуская отъ сихъ измѣненій своихъ тожъ измѣняющіяся вѣтви, которыхъ обыкновенно въ одномъ языкѣ отъ нѣкаго слова производится больше, отъ нѣкаго меньше, нежели

въ другомъ, и сѣн въ нихъ одного противъ другаго излишки или недостатки допoлняются словами, отъ нихъ корней производимыя. Обстоятельство сѣе необходимо, потому что каждый народъ по собственному своему соображенію и свойству языка своего разсуждаетъ. Сверхъ сего изъ двухъ языковъ, употребляющихъ общее имъ слово, часто одинъ разумѣетъ подъ нимъ не ту же самую вещь, какую другой, но иную, имѣющую однако жъ близкое съ нею сходство и значеніе. Напримѣръ мы подъ словомъ *смерть* разумѣемъ лишеніе жизни, а Голанецъ подъ своимъ, тѣмъ же самымъ, *smart*, разумѣетъ болѣзнь или мученіе, сокращающее жизнь. Подобныхъ примѣровъ находится множество. — Вотъ главныя причины различія языковъ, и какъ сѣн различія чрезъ столько протекшихъ вѣковъ и отдаленности однихъ народовъ отъ другихъ, не сдѣлались велики, однако жъ въ нихъ можно еще примѣчать слѣды единства языковъ и происхожденіе оныхъ отъ общаго всемъ имъ праотца, первобытнаго языка. Все сѣе очевидно явствуетъ изъ примѣчаній моихъ на Сравнительный Словарь, и все сѣе при сочиненіи Словопроизводнаго Словаря надлежитъ принимать въ разсужденіе, дабы въ окружающемъ его мракѣ идти надежнѣйшимъ путемъ.

3-е. Словарь долженъ состоять изъ первообразныхъ словъ, означаемыхъ крупными буквами; всѣ же происходящія отъ нихъ вѣтви прописываются буквами нѣскольکو помѣльче, и ставятся подъ ними. Мы уже сказали, что это и въ прежнемъ Словарѣ взято за правило, но отъ нарушенія онаго выходили великія несообразности. Напримѣръ, *пльмухъ*, *кортикъ*, *вишня*, и множество подобныхъ словъ, поставлены первообразными, тогда, какъ оны очевидно происходятъ отъ *пльть*, *короткій*, *вишу*. Равнымъ образомъ въ первообразныхъ поставлены *баранъ*, *баранчики*, *барашекъ*, *баранки*, тогда, какъ ни одно изъ словъ сихъ не есть первообразное, но всѣ суть вѣтви, порожденныя одною и тою же мыслию: *баранъ*, отъ звукоподражанія голосу сего животнаго; *баранчики* (цвѣтки) отъ того, что овцы или бараны охотно ихъ ѣдятъ; *барашекъ* (птичка) отъ того, что кричитъ по бараньи; *баранки* (крендельки) отъ того, что названный на нитку прижатіемъ своимъ одинъ къ другому уподобляются стаду барановъ, которые при какомъ-либо испугѣ всегда собираются въ кучу, тѣснятся между собою. Соображенія сѣн не всегда бываютъ очевидны, и часто требуютъ великихъ размышленій и трудовъ для отысканія оныхъ, но безъ нихъ Словарь будетъ недостаточенъ, языкъ въ немъ не

открыть, умъ составлявшій его невидѣнь, и предпріятое намѣреніе не исполнено. До нѣкоторыхъ словъ легко можно добираться, а до другихъ нѣтъ. Напримѣръ не трудно примѣтить, что *бляха*, *блескъ*, *блѣдность* (поставленныя въ Словарѣ коренными) суть такія же отъ имени *блѣный* вѣтви, какъ *блѣшила*, *блѣлокъ*, *блѣлю*, и проч.; нбо очевидно сокращены изъ *блѣяха*, *блѣскъ*, *блѣдность*. Также и при словахъ *берегъ*, *блюдо*, и проч., не трудно, при глаголахъ *берегѹ*, *блюду*, догадаться, что *берегѹ* рѣки или моря *берегутъ*, хранягъ въ себѣ воду; а *блюдо* подобнымъ же образомъ *блюдетъ* или хравитъ накладенную въ него пищу. Но для такихъ словъ, какъ *серги*, *блоха*, *сноха*, *бдѣть*, и проч., не возможно доходить безъ нѣкоторыхъ отысканіевъ или случайно открывшихся свѣденій, таковыхъ, какъ найденное въ старинныхъ книгахъ слово *усерязи* (нарядъ ушей), изъ коего видно, что въ словѣ *серги* отъ слова *усе* отнята буква *у*, а конецъ *рги* сокращенъ изъ *рязи* выпускомъ буквы *я* и измѣненіемъ буквы *з* въ *г* (какъ то свойственно языку и во многихъ другихъ словахъ дѣлается: *нози* и *ноги*, *рози* и *роги*, *князь* и *княгиня*, и проч.) Польское слово *pscha* (а по другимъ нарѣчіямъ съ переставкою буквъ *bscha*) покажетъ намъ, что наше *блоха*, не взирая на великое измѣненіе, происходитъ отъ глагола *пхать*, *пихать* (по Польски *pschac*), поелику въ семъ насѣкомомъ дѣйствиительно всего примѣтнѣе то, что оно, *пхая* себя ногами, высоко скачетъ. Богемское слово *synocha* (*synoscha*) дастъ нашему слову *сноха* происхожденіе отъ *сынъ*, поелику означаетъ сыновнюю жену. Богемцы слово свое *bditi* (бдѣть) прокзводятъ отъ *buditi* (будить) и справедливо; нбо *разбудить* есть не иное что, какъ сдѣлать *бдѣющимъ*, то есть не сплщнымъ. Изъ сего явствуетъ, что Словари Славенскихъ нарѣчій и старинныя книги весьма нужны для отысканія принадлежности вѣтвей къ коренному или первообразному слову.

4-е. При отысканіи въ словѣ первоначальной произведшей оное мысли надлежитъ смотрѣть, нѣтъ ли въ немъ выпуска, или вставки, или измѣненія буквъ, сокрывающихъ его происхожденіе. Напримѣръ слово *когда* очевидно чрезъ выпускъ буквъ сокращено изъ *коего года*, слово *тогда* изъ *того года*. Здѣсь яснымъ образомъ примѣтно сіе сокращеніе, но въ другихъ словахъ не иначе открывается оное, какъ выводомъ изъ значенія сего слова. Напримѣръ: что значитъ *булавѹ*? Орудіе съ желѣзнымъ на рукояткѣ яблокомъ или головкою, обитою кругомъ гвоздями или шишками, для сильнѣйшаго оною по чемъ нибудь ударенія. Вникая

въ сіе значеніе стану я разсуждать: слогъ *бу* во многихъ выраженіяхъ показываетъ ударъ, какъ то: *по дереву бухъ топоромъ, камнемъ бухнулъ въ стѣну* (т. е. ударилъ), и проч. Слогъ *лавà* ничего не показываетъ, но невозможно, чтобъ онъ былъ простое ничего не значащее окончаніе. Отселе я безъ вѣроятности заключаю, что слово сіе, по отнятіи, для легчайшаго выговора, отъ послѣдняго слога его начальной буквы *г*, сократилось изъ *буглава* (то есть голова, которою *бухаютъ*, ударяютъ) въ *булава*. Подобныя разысканія требуютъ однакожъ ясныхъ доказательствъ, прежде, нежели мы въ томъ совершенно удостоверимся. — Изъ словъ *любовь, плодъ*, и окончанія *ость*, сдѣлались слова, не *любость, плодость*, но *любезность, плодovitость*, которыя слѣдовательно между корнями и окончаніямъ своимъ распространены прибавкою буквъ *ези* и *вирь*. — Названія *рыцагъ, пролубъ, коромысло*, измѣнились изъ *руцагъ, прорубъ, коронсло*. Вообще перемѣны сіи дѣлались иногда разумомъ, составлявшимъ языкъ, иногда навикомъ, портившимъ оный. Разумъ сими средствами обогащалъ его, извлекая изъ корней онаго великое число вѣтвей, раздѣляя ими обширность одной и той же мысли на многіе текущіе изъ ней рукава или истоки, и соглашая, когда можно, журчанія ихъ съ легкостію для произношенія и пріятностію для слуха; навикъ, напротивъ, утверждался на одномъ частомъ ихъ повтореніи, не заботясь о ихъ смыслѣ и благозвучіи. Навикъ есть невѣжество противуборствующее разсудку, но участвованіе его въ составѣ языка такъ велико, что истреблять оное вездѣ и повсюду, было бы тоже, какъ хотѣть соскабливать веснушки и рабкны съ испорченаго ими лица. Самый невѣжественный и вредный для языка навикъ состоитъ въ употребленіи чужихъ словъ вмѣсто своихъ собственныихъ. Это приводитъ языкъ въ оскудѣніе, препятствуя извлекать вѣтви изъ его корней, и отнимая у тѣхъ, которыя ужé прежде извлечены; способность расширять свое значеніе и силу. Привыкнувъ къ чужезычнымъ словамъ: *архитектура, астрономія, экваторъ, религія, сенатъ, солдатъ, канонеръ, журналъ, интересъ, хирургія, ортографія, тронъ, скипетръ, каскадъ*, и тысячамъ другихъ, мы не находимъ ужé въ своихъ: *зодчество, звѣздословіе, равноденственникъ, вѣтра, дѣла, ратникъ, пушкарь, дневникъ, корысть, врачебство, правописаніе, престолъ, желѣзъ, водопадъ*, той склы значенія, какую приписуемъ симъ чужеземнымъ названіямъ. При частомъ употребленіи ихъ наши слова, какъ не полквасмые цвѣты, вянутъ, сохнутъ, не распускаются. Мы не смѣемъ

вмѣсто *курьеръ*, *форейторъ*, *капралъ*, и проч., говоритъ *гонецъ*, *вершникъ*, *урядникъ*. Слово наше *воевода*, толь знаменательное и богатое смысломъ, не значитъ ничего передъ словомъ *Фельдмаршалъ*, составленнымъ пзъ Нѣмецкаго *feld* (поле) и Французскаго *marcher* (ходить). Даже и въ такихъ словахъ, которыя имѣютъ точный составъ съ иностранными, какъ напримѣръ *философія* и *любомудріе*, свос почитаемъ мы меньше значащкмъ. Мало сего: слова ихъ отъ одного съ нашими корня произведенныя, и скорѣе наши, нежели ихъ, предпочитаемъ своимъ, какъ то: *битва* и *баталія*, *бойница* и *батарея*, въ которыхъ корень *битъ* и *батъ*, произведшій глаголы у насъ *битъ*, у нихъ *battre*, есть одинъ и тотъ же. Еще и сего мало: мы не смѣемъ вмѣсто Латинскаго *globus*, или Французскаго *globe*, употреблять наше слово *клубъ*, и нѣтъ въ этомъ никакой надобности, потому что имѣемъ другое равнозначащее ему слово *шаръ*; однакожь совсѣмъ тѣмъ говоримъ за ними, не по своему *клубъ*, но по ихъ *глобъ* или *глобусъ*, не взирая на то, что наше *клубъ* имѣетъ коренное значеніе: оно сокращеко изъ *колубъ* и происходитъ отъ слова *коло*, означающаго круглость; тогда какъ они своему слову *globe* въ языкахъ своихъ не отыщутъ начала иначе, какъ прибѣгнувъ къ Славенскому языку. Подобныхъ примѣровъ можно показать великое число. Вотъ чему учить насъ учитель нашъ, навѣкъ! Между тѣмъ должно признаться, что по великому его участію въ языкъ трудно ему не послѣдовать; но надлежитъ по крайней мѣрѣ беречься, чтобъ не слѣпо ему вдаваясь, попускать его отчасу больше возрастать и дѣлать изъ языка нашего кучу языковъ.

5-е. Въ Академическомъ Словарѣ при нѣкоторыхъ словахъ поставлены буквы *Сл.* для означенія, что это Славенское слово, а при которомъ сего не поставлено, то будто Руское. Таковое необдуманное раздѣленіе произошло отъ неопредѣлительности слова *Славенскій*, и потому подавшаго поводъ къ превратному о немъ понятію и толкованію. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, назвавшагося *Славянами*; но не ужь ли народъ сей до принятія сего имени былъ ивмой, безъязычный? Не ужь ли оъ того только времени сталъ имѣть языкъ, или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ! онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли; но знаемъ, что по раздѣленію сего народа на Рускихъ, Поляковъ, Чеховъ, Иллиріицъ, и проч., и языкъ сей сталъ называться по ихъ именамъ Рускій, Польскій, Чехскій, Иллирійскій, и проч. При всѣхъ сихъ именахъ онъ былъ и есть одинъ и тотъ же общій всѣмъ.

Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ больше или меньше измѣняется и получаетъ имя *нарѣчій*. Польское нарѣчье отошло всѣхъ далѣе отъ нашего, такъ что мы уже и разумѣть онаго не можемъ; но Руское не есть нарѣчье Славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія. Еслии подъ названіемъ Славенскаго языка станемъ мы разумѣть различіе священнаго писанія съ свѣтскими книгами, то какимъ же языкомъ назовемъ языкъ Игоровой пѣсни, лѣтописцевъ, старинныхъ царскихъ грамотъ, народныхъ сказокъ, пѣсенъ, и проч.? Въ нихъ языкъ, или языки, гораздо различнѣе, нежели между священными и свѣтскими книгами. Не сочтемъ ли мы того Рускаго совершеннымъ невѣждою, кто скажетъ, что онъ романы и комедіи понимаетъ, а того, что поютъ и читаютъ въ церкви, не понимаетъ? Еслии подъ именемъ Славенскаго языка разумѣть важный, высокій слогъ, а подъ именемъ Рускаго простой и средній, такъ это иное дѣло. Въ слогахъ сихъ употребляются и слова приличныя каждому изъ оныхъ, и которыя должны быть сами по себѣ извѣстны, безъ означенія ихъ въ Словарѣ. Кто не знаетъ, что *великолѣпная риза* и *сермяжный зипунъ* есть столько же Славенское, сколько и Руское; но одно изъ нихъ составлено изъ высокихъ, а другое изъ простыхъ словъ? Ни одинъ языкъ не отличается столько возвышенностію слога и словъ, сколько нашъ. Латинецъ, на примѣръ, или другой кто, скажетъ *отецъ нашъ* (*pater noster*), но не можетъ сказать *отче нашъ*. Французъ говоритъ *щастливъ человекъ* (*heureux l'homme*), но не скажетъ *блаженъ мужъ*. Онъ не имѣетъ, или имѣетъ несравнено меньше нашего, сложныхъ словъ: говоритъ *подобень Богу* (*semblable à Dieu*), но не скажетъ *Богородобный*; говоритъ *хорошій голосъ, добрая вѣсть* (*une voix agréable, une bonne nouvelle*), но не скажетъ ни *благогласіе*, ни *благовѣстіе*. У него нѣтъ двоякихъ одно и тоже значащихъ словъ, изъ коихъ одно есть возвышенное, а другое простое: онъ равно *око* и *глазъ* называетъ *l'oeil*; *чрево* и *брюхо*, *le ventre*; *чело* и *лобъ*, *le front*, и проч. У него нѣтъ ни увеличительныхъ, ни уменьшительныхъ, ни почтительныхъ, ни ласкательныхъ именъ: онъ говоритъ *рука* (*la main*), но не можетъ сказать ни *ручинница*, ни *ручка*, ни *ругонка*; говоритъ *большая мать* (*la grande mere*), но не можетъ сказать ни *бабка*, ни *бабушка*, и проч. Въ глаголахъ съ предлогами языкъ ихъ несравненно скуднѣе нашего: мы скажемъ *добавлять*, *привавлять*, *забавлять*, *убавлять*, *надбавлять*, *пробавляться*, или *подарить*,

задарить, надарить, отдарить; онъ всѣ сія глаголы долженъ объяснять прибавочными словами и другими отъ разныхъ корней глаголами, на примѣръ подарить *faire cadeau*, задарить *combler quelqu'un de présent*, отдарить *faire un cadeau réciproque*, и проч. Онъ не имѣеть и десятой доли тѣхъ словъ, какими означаемъ мы голоса животныхъ, какъ то: *блеетъ, мычитъ, кукуетъ, граетъ, каркаетъ, квакаетъ, клеклетъ, курлычетъ, ширкаетъ, стрекочетъ, такуетъ*, и проч. и проч. Часто въ вѣтвенномъ значеніи слова своего не найдетъ онъ коренной породившей его мысли и долженъ отыскивать оную въ другомъ языкѣ. Цѣпи или деревья словъ, одно отъ другаго происходящихъ, подобны у него мелкому лѣсу, изъ многихъ низкихъ и маловѣтвенныхъ деревъ состоящему, тогда какъ наше древо, очевиднымъ образомъ на одномъ и томъ же корнѣ стоящее, изобильное тысячами раскинувшихся отъ него вѣтвей, возносится къ облакамъ. (См. въ сочиненіяхъ моихъ дерево на корнѣ *кр, гр, хр*, и дерево на корнѣ *пл*). Таковая въ языкахъ разность должна непременно производить разность и въ свойствахъ ихъ. Если бы краткость изложенія сихъ правилъ позволила мнѣ, то бы я рѣзкими чертами изобразилъ, какъ много сильный навыкъ и чтеніе Французскихъ книгъ отвлекли и отвлекаютъ насъ отъ свойствъ языка нашего и чувствованія красоты и силы онаго. Отсель, вмѣсто услажденія и пріятности, родилось въ насъ какое-то отвращеніе отъ высокихъ словъ и мыслей: мы стали называть ихъ Славенскими, переименовывать ихъ или избѣгать отъ нихъ, раздѣлять одинъ и тотъ же языкъ свой на два, изъ коихъ одинъ, важнѣйшій и богатѣйшій, почитать какъ бы чуждымъ, а другой, подъ именемъ Рускаго, располагать и приближать къ Французскому, подражая съ раболѣпнымъ благоговѣніемъ свойствамъ сего послѣдняго. Отсель всѣ благозвучныя и знаменательныя слова наши, таковыя, какъ: *великолѣпіе, велемудріе, присносушный, злокозненный, благобытность, громовержець, низринуть, возблестать*, и тому подобныя; также и нарочно для отличенія ихъ отъ простыхъ нѣсколько измѣненныя, таковыя какъ: *огнь, древо, брегъ, елень, крава, вранъ*, и проч., стали мы называть Славенскими, неупотребительными. Не мудрено, что юношество наше, не пріучаемое никогда къ чтенію священныя книгъ, наконецъ совсѣмъ отвыкнетъ отъ силы и важности языка нашего. Не знаю что изъ сего послѣдуетъ; но ежели мы красоты подобныхъ мѣстъ, какъ: *Господь рече, да будетъ свѣтъ, и бысть*, или: *видѣхъ негестиваго, высыщася яко кедры Ливанскія, мимодохъ, и се не бѣ, не*

станемъ чувствовать и услаждаться ими, то, не смотря на нѣкоторую разность языка сего съ обыкновенными нынѣ свѣтскими писаніями, здравый умъ отрицается вѣрить, чтобъ словесность наша достигла до той степени совершенства, до какой, при вниканіи въ собственные свойства языка своего, могла бы она достигнуть.

6-е. Всякое слово состоитъ изъ двухъ или трехъ частей, то есть изъ корня и окончанія, или изъ предлога, корня и окончанія. О корняхъ я въ другихъ мѣстахъ сочиненій моихъ довольно говорилъ; о предлогахъ, хотя не всѣхъ, тоже, что многіе изъ нихъ суть сокращенія или отрывки отъ существительныхъ именъ и глаголовъ. Здѣсь тоже самое скажу объ окончаніяхъ. Языкъ вездѣ это показываетъ. Возьмемъ окончаніе на *ость* или *сть*, оно сокращено изъ глагола *есть*, приставленнаго къ корню. Изъ всѣхъ словъ это явствуетъ: *благо есть* благость, *люто есть* лютость, *твердо есть* твердость, *любезно есть* любезность, и такъ далѣе. Окончаніе на *е* или *іе* показываетъ еще большее сокращеніе или отрывокъ отъ того жъ глагола *есть*. Сокращеніе сіе даже и нынѣ въ простомъ народѣ употребительно. Спросите у простолюдина: есть ли у тебя хлѣбъ? Онъ вмѣсто *есть* отвѣчаетъ *ѣ*. Такимъ образомъ изъ *зримо есть* сдѣлалось зримое; изъ *любимо есть*, любимое; изъ *кратко есть*, краткое, и проч. Также изъ *рожденъ есть*, рожденіе и рожденный; изъ *наказанъ есть*, наказаніе и наказанный; изъ *потрясенъ есть*, потрясеніе и потрясенный, и проч. — Окончаніе на *та* есть указательное мѣстоименіе *то* или *тое*: изъ рѣчи *глухо тое* стали говорить глухота, изъ *право тое* правота, изъ *слѣпо тое* слѣпота, и такъ далѣе. — Окончаніе на *ба* сокращено изъ глагола *бысть* или *бъ*: отсель изъ *судъ бѣ* сдѣлалось судьба, изъ *бореніе бѣ* борьба, изъ *гуляніе бѣ* гульба, и проч. Я не вхожу здѣсь въ подробное объясненіе всѣхъ окончаній, но упоминаю о семъ кратко, для того единственно, чтобъ дать примѣтить, что при сочиненіи словопроизводнаго Словаря разсмотрѣніе окончаній нужно столько же принимать въ разсужденіе, какъ разборъ корней и предлоговъ.

7-е. Словарь долженъ состоять изъ всѣхъ употребляемыхъ въ языкѣ словъ (т. е. вѣтвей отъ корня), какія только съ нѣкоторымъ въ знаменованіи ихъ отличіемъ сказать можно. Отличіе сіе при каждомъ словѣ утверждается примѣрами, которые должны быть придуманы или выписаны изъ книгъ и указывали точно на тотъ глаголъ или слово, а не на другое, какъ въ прежнемъ Словарѣ сдѣлано, гдѣ на глаголъ *бывати* при-

веденъ примѣръ съ глаголомъ *быть*, не смотря на ту разность, что не во всякой рѣчи сія два глагола могутъ замѣняться одинъ другимъ. Напримѣръ въ рѣчи: *я бывало часто хаживалъ къ нему*, не лѣзя вмѣсто *бывало* сказать *было*; а напротивъ того въ рѣчи: *я чуть было не упалъ*, не лѣзя вмѣсто *было* сказать *бывало*. Выписываемые изъ книгъ примѣры должны имѣть полный смѣсль, дающій силу объясняемому ими слову, а не такъ, какъ сдѣлано въ упоминаемомъ Словарѣ, гдѣ при словѣ *волна* выписанъ изъ Ломоносова стихъ: *мнѣ всякая волна быть кажется гора*, а другой послѣдующій за нимъ: *что съ ревомъ падаетъ обрушась на Петра*, пропущенъ, и чрезъ то изъ прекраснѣйшаго примѣра сдѣланъ слабый, малозначащій; ибо сила волны, ревущей, обрушивающейся, падающей на великаго царя, оторванная отъ перваго стиха, исчезаетъ.

8-е. Въ словопроизводный Словарь ни одно иностранное слово не должно входить; но какъ многія изъ нихъ сдѣлались весьма употребительны и необходимы, то надлежитъ при концѣ сего Словаря самымъ только употребительнѣйшимъ изъ сихъ словъ (пропуская *инфламации*, *реляции*, *дедикации*, *авантажи*, *абонименты*, и тому подобныя) приложить азбучный словарикъ съ краткими истолкованіями; ибо дальнѣйшія объ нихъ объясненія можно отыскивать въ иностранныхъ словаряхъ. Между тѣмъ разборъ, какія слова почитать иностранными, какія нѣтъ, требуетъ не малаго вниманія. Я полагаю это такъ, что слова извѣстнымъ языкамъ принадлежащія должно относить въ списокъ при концѣ Словаря. Чтожъ принадлежитъ до тѣхъ словъ, которыя неизвѣстно откуда взяты, и почти какъ бы собственныя имена, многимъ языкамъ общи, то надлежитъ имъ въ словопроизводномъ словарѣ давать мѣсто. Напримѣръ слову *агатъ* или *ахатъ*, которое произошло отъ рѣки, называемой *Ахата*, потому что сей родъ камня первоначально на берегахъ ея найденъ. Равнымъ образомъ имена камней, птицъ, рыбъ, растений, плодовъ, въ сѣверныхъ странахъ не существующихъ, и потому не имѣющихъ названій, таковыя какъ: *алмазь*, *яхонтъ*, *аккула*, *крокодилъ*, *тигръ*, *пальма*, *кедръ*, *лимонъ*, и пр.; или нѣкоторыя областныя названія, таковыя какъ: *аргали*, *агаръ*, *авдотька*, *бабука*, и проч., должны также помѣщаться быть въ Словарѣ, выключая развѣ когда какому нибудь имени найдется въ малозвѣстномъ языкѣ точно такое слово, выражающее наименованную имъ вещь какъ вътвеннымъ такъ и кореннымъ значеніемъ, тогда съ должнымъ онаго истолкованіемъ вносится оно въ азбучной при концѣ Словаря иностран-

ныхъ словъ, и при Рускомъ названіи прописывается (какъ и всѣ другія) буквами своего языка.

9-е. Главнѣйшая потребность и трудность при сочиненіи словопроизводнаго Словаря состоитъ въ соображеніи принадлежности колѣнъ къ дереву, стоящему на первообразномъ корнѣ. Еслии колѣна ставить первообразными словами, то Словарь будеть ни азбучной, ни словопроизводной, то есть самому себѣ нѣкое противурѣчіе. Буде же наблюдать, чтобъ колѣна, принадлежащія одному и тому же дереву, не были разрознены между собою, то надлежитъ съ великимъ вниманіемъ и разсужденіемъ вникать въ сіе, дабы съ одной стороны не впадать въ отдаленныя и ошибочныя догадки, а съ другой не отвергать достаточныхъ и очевидныхъ доказательствъ. Покажемъ нѣкоторый образецъ тому изъ Академическаго Словаря. Въ немъ находимъ мы слѣдующее раздѣленіе словъ на семейства, или иначе сказать на деревья съ ихъ вѣтвями.

1-е. *Бавлю*, съ 40-ю вѣтвями, бавить, прибавить, пробавиться, и проч. (стран. 69).

2-е. *Бдю*, съ 17-ю вѣтвями, бдѣть, бдитель, бдительный, и проч. (стран. 116).

3-е. *Буде*, съ одною вѣтвію *буде же* (стран. 367).

4-е. *Будто*, съ одною вѣтвію *будто бы* (стран. 368).

5-е. *Будка*, названное Нѣмецкимъ, съ одною вѣтвію *будочникъ* (стр. 368).

6-е. *Бужду*, съ 23-мя вѣтвями, будять, пробужденіе, будильникъ, и проч. (стран. 369).

7-е. *Бы*, безъ вѣтвей. (стран. 395).

8-е. *Бываю*, съ 96-ю вѣтвями, быть, бывалый, былъ, и проч. (стран. 396).

9-е. *Быліе*, съ одною вѣтвію *былинка* (стран. 410).

10-е. *Обиліе*, съ 5-ю вѣтвями, обильный, изобиліе, и проч. (часть 4, стран. 586).

И такъ здѣсь видимъ мы 10 первообразныхъ словъ, то есть протцовъ съ ихъ семействами, или деревъ, изъ которыхъ каждое выросло на своемъ особомъ отъ другаго корнѣ. (Слова сіи, такъ сказать, безъ связи между собою разбросаны по всему Словарю; ибо первое изъ нихъ стоитъ на страницѣ 69-й первой части, а послѣднее на страницѣ 586-й четвертой части). Разсмотримъ теперь, точно ли сіи слова съ своими вѣтвями суть особыя деревья, или не подобны ли онѣ колѣнамъ въ тростникѣ,